

Научная статья

УДК 101.3

doi: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-95-101

О КАТЕГОРИИ ЧУВСТВЕННО-АБСТРАКТНОГО: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Анатолий Борисович Невелев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nabobl@mail.ru, 0000-0001-7037-0574

Аннотация. Сделана попытка обоснования онтологического статуса категории чувственно-абстрактного с опорой на уточнение содержания категориальных пар «материальное — идеальное», «объективное — субъективное», «абстрактное — конкретное».

Ключевые слова: абстрактное, конкретное, идеальное, материальное, субъективное, объективное, чувственно данное, эмпирическое, восхождение от абстрактного к конкретному, исследование, изложение

Для цитирования: Невелев А. Б. О категории чувственно-абстрактного: к постановке вопроса // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 95–101. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-95-101.

Original article

ON THE CATEGORY OF THE SENSUOUS-ABSTRACT: TOWARDS A STATEMENT OF THE QUESTION

Anatoly B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nabobl@mail.ru, 0000-0001-7037-0574

Abstract. The article attempts to substantiate the ontological status of the category of sensually abstract based on clarifying the content of categorical pairs “material — ideal”, “objective — subjective”, “abstract — concrete”.

Keywords: abstract, concrete, ideal, material, subjective, objective, sensually given, empirical, ascent from the abstract to the concrete, research, presentation

For citation: Nevelev AB. On the Category of the Sensuous-Abstract: Towards a Statement of the Question. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(4(486):95-101. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-95-101.

Парные понятия: уточнение содержания

Онтогносеологическая и методологическая традиция нашей философии, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием немецкой философской классики и философской методологии марксизма, придерживается в исследовании и изложении конкретно-исторического материала широко применяемого метода «восхождения от абстрактного к конкретному».

Абстрактное при этом определяется как одностороннее выдвигание на первый план какой-либо специфики, предмета, которая поглощает все другие его стороны, остающиеся в тени человеческого внимания. Абстрагирование — это «чудовищное выпячивание» (Ф. Ницше) некоего

предметного признака, обусловленное, например, жизненными обстоятельствами, в которых находится человек. Рассматриваемая традиция сводится не к онтологической трактовке абстрактного, а к её интерпретации в гносеологическом ключе как фиксации познавательной деятельности субъекта, производящего гносеологические манипуляции абстрагирования в сфере идеального бытия, то есть в сфере сознания. Уместно вспомнить кантовское деление познаваемой субъектом реальности на феномен и вещь в себе. Мир, являющийся нам, односторонен (абстрактен) по определению. Его конкретная полнота скрыта, вещь в себе остаётся в тени и, возможно, обнаруживается в синтетических суждениях априори, творчески создаваемых познающим субъектом.

Парные категории как система философских координат

Парная по отношению к категории абстрактно-конкретного категория конкретного предстаёт обычно как объединение абстрактных сторон, как единство во многообразии предметных определений объекта. При этом зачастую конкретное сближается, вплоть до отождествления, с чувственно данным. Получается, что в вопросе о соотношении абстрактного и конкретного скрывается два, часто непрояснённых, почти отождествления: абстрактного с идеальным (сверхчувственным), а конкретного — с материальным (чувственно данным).

Отсюда следуют два довольно жёстких методологических закрепления: абстрактное — это только идеальное, конкретное — это только материальное. В итоге, на наш взгляд, возникает серьёзная методологическая путаница. Попробуем её распутать, уточнив предметное содержание трёх категориальных пар, имеющих отношение к делу: «материальное — идеальное», «объективное — субъективное» и «абстрактное — конкретное». Критерием демаркации материального и идеального выступает «бытие *в* сознании» и «бытие *вне* сознания». Никакой независимости (объективности) бытия тут нет и быть не может. Вопрос ставится тут *только о внеположенности* по отношению к сознанию или положенности в нём.

Скорее всего, путаница отождествления материального и объективного происходила в нашей «марксистско-ленинской» философии из-за известного определения материи, данного в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Владимира Ильича Ленина. Как известно, материя определялась им как «объективная реальность, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается... ощущениями, существуя *независимо* от них».

Ощущения — это элемент сознания, материальное предстаёт исключительно объективным, а объективное исключительно материальным. «Вне» отождествляется с «независимо», а «независимо» — с «вне». Категориальная ловушка захлопнулась. Французский материализм XVIII в. торжествует. В. И. Ленин во вполне понятном полемическом задоре изгнал субъективное из сферы материального бытия. Известно, что его идеологические противники отличались прямо противоположными философскими предпочтениями, предельно субъективизируя бытие.

В более поздних «Философских тетрадах» В. И. Ленин не столь категоричен, констатируя, что сознание не только отражает, но и творит мир. Творчество предполагает, как утверждал Платон, созидание из ничего. Соответственно, говоря более поздним категориальным языком, творчество пронизано субъективностью, оно означает постановку объективной реальности в некоторую зависимость от воли и целей субъекта, от чего она функционально выступает уже как объективно-субъективная. Если категория объективного означает *независимое* бытие, то, соответственно, категория субъективного, парная ей, означает *зависимое* от человека, от его воли и целей бытие.

Объективное оказывается, при строгом категориальном разграничении, совсем не тождественным материальному. Объективное бытие — это совсем о другом, о независимости от воли и целей субъекта, а не о внеположенности его сознанию. Но в таком случае логика требует выпустить, в свою очередь, субъективное бытие за пределы идеального бытия. Человек, субъект утверждает себя, свою волю и цели не только в сфере идеального (сознания, мышления, познания), но и в сфере материального, то есть вне сознания, в преобразующей материю практике.

В «Тезисах о Фейербахе», которые Ф. Энгельс назвал гениальным зародышем нового мировоззрения, К. Маркс как раз и осуществляет отмеченную выше методологическую процедуру, выпуская субъективное бытие в сферу материального. Зацикленность философского материалистического сознания на формах объекта или созерцания, то есть на объективности бытия (материи) определяется в качестве главного недостатка предшествующего материализма, в том числе феербаховского.

Предмет, действительность, чувственность следует рассматривать как человеческую чувственную деятельность, практику, субъективно (как субъективное бытие). Человеческая чувственная деятельность есть субъектное и субъективное вмешательство человека в чувственно данное, внешнее, находящееся вне сознания, материальное бытие. Вся материальная культура человечества и есть такое перестраивающее природу вмешательство. Есть неорганическое и органическое тело материально действующего человека.

Абстрактное и конкретное в системе философских координат

Теперь, когда мы содержательно, в первом приближении, развели две важнейшие для философии категориальные пары, в образовавшуюся из них систему философских координат уместно ввести ту категориальную пару, ради которой, собственно, и был затеян данный предварительный категориальный анализ, — методологически интересную для нас пару «абстрактное — конкретное».

Абстрактное бытие традиция склонна сближать с идеальным и субъективным, конкретное бытие — с материальным и объективным. Однако и здесь история определения категорий повторяется, требуется строгая демаркация, отличающая абстрактное и конкретное от рассмотренных категориальных пар. Абстрактное бытие — это только и исключительно *одностороннее* бытие, без всяких других привходящих значений, конкретное бытие — это, в первом приближении, только и исключительно *единство во многообразии*, объединение многого.

Путаница происходит от того, что мыслителей сбивает с толку допущение других, рассмотренных нами, коннотаций этих категорий. Сопутствующие смыслы при этом изначально не отделены от базовых, исходных, которые, конечно, могут быть правомерными, но только при условии, что предварительно и особо выявлено это базовое значение. Оно остаётся стержневым на протяжении всего процесса рассуждения и не утрачивается ни при каких обстоятельствах. По отношению к категориям абстрактного и конкретного мы такое содержание выявили.

Тем самым облегчается методологическая работа, предполагающая взаимодействие трёх пар рассмотренных категорий, среди которых особое внимание привлекает необычное сочетание категорий материального (чувственно данного) и абстрактного. Возможно ли материальное абстрактное бытие? Или, что то же самое, тождественное ему, чувственно-абстрактное бытие? Возможно ли бытие, находящееся вне сознания субъекта (чувственно данное, материальное) и в то же время являющееся односторонним (абстрактным). Тяготеющая к ленинской трактовке традиция склонна всё же не выпускать абстрактное за пределы идеального и субъективного бытия. Абстрактное при этом приобретает субъективно-идеальный, гносеологически-манипулятивный характер.

Онтологическая весомость этой категории не учитывается и не обсуждается за неимением

таковой по определению. Абстрагирование предстаёт в качестве свободной игры познающего разума, который может по-своему перекомпоновать предметный мир, выводя на передний план те или иные односторонности, свободно выдумывая феномены и, соответственно, вещи в себе. С нашей точки зрения, категории абстрактного и конкретного имеют не только гносеологический, но и онтологический статус, что позволяет внести некоторые уточнения в онтогносеологическую проблематику в целом.

Тезис, который мы попытаемся обосновать, гласит, что категория чувственно-абстрактного (материально-абстрактного) философски правомерна и имеет онтологический статус. Гносеологический статус вторичен и произведен от этого последнего. Синтетические суждения априори останутся, на наш взгляд, загадкой до тех пор, пока не будет признан онтологический статус категорий абстрактного и конкретного, которые выступают моментами материальной социально-исторической деятельности человечества, то есть его практики.

Сохранять за категориями абстрактного и конкретного исключительно гносеологический статус означало бы философски запереть деятельную способность человека только в сфере его сознания, в сфере идеального. Между тем сама базовая деятельная способность человека, его труд предстаёт именно той абстракцией субъективности (субъектности), которая в качестве феномена задаёт отношение человека к миру. Материальное, объективное бытие мира, пусть и в весьма малой доле, становится односторонне (абстрактно) субъективным. Целеполагание в ходе деятельности, в частности в ходе труда, помещает человека, как субъекта, на одну сторону отношения к миру.

Созданная человеком культура предстаёт как абстракция, как отвлечение человека от природы и как взаимодействующее противостояние природе. Культура, при всём её внутреннем многообразии, предстаёт как человечески значимая односторонность, как абстрактное бытие, как средство, задающее отношение человечества и каждого его поколения к материальному объективному миру. Культура — это выпущенный в материальную реальность человек, который вынужден создавать и отстаивать свой абстрактный субъективный ареал материального бытия, своё «неорганическое тело».

Вся социально-историческая материальная деятельность и культура, как её резуль-

тат, в конечном счёте представляют собой чувственно-абстрактное, одностороннее отвлечение от природы, от материи. Причём это именно бесконечно разнообразное чувственно-абстрактное, материально-одностороннее бытие. Это бытие социально-исторически складывается в стремящиеся к конкретному бытию агломерации, которые в исторической перспективе всё равно оказываются преимущественно абстрактным бытием, неспособным удержать в себе желанную генетически фундированную конкретность.

В стремлении человечества, как субъекта, создать в обществе и из общества генетически фундированную конкретность присутствует момент соперничества с природой, материей. Это говорит об органичности и целостности конкретного бытия как идеала, как единства во многообразии. Успехи генетики, исследований в сфере искусственного интеллекта и т. д. наглядно подтверждают, что категориально схваченная, выраженная теоретически проблема генетического единства во многообразии как проблема исторического социально-конкретного бытия философски крайне актуальна.

Рассматриваемая нами категориальная философская пара настраивает методологические установки субъекта и в теории и в практике, с одной стороны, на детализацию отдельных элементов в структуре системы бытия чего бы то ни было, с другой стороны, на поиск генетически узловых элементов, синтезирующих целое в качестве конкретного, в качестве единства во многообразии. Одной из методологически успешных попыток восхождения от абстрактного к конкретному является попытка Г. В. Ф. Гегеля реконструировать синтезирующее целое системы в движении от её предпосылок к её началу и, в конечном счёте, — к её воспроизводству.

Абстрактность предпосылок выражается в том, что каждая из них фиксируется в её своеобразной односторонности, даже самозамкнутости, изолированности. Абстрактное бытие при этом самодовлеет и предстаёт как общие предпосылки, выражающие только тенденцию развития будущей целостной системы. Перебор вариантов сочетаний общих предпосылок задаёт предварительное основание для встречи непосредственных предпосылок, реальное сцепление которых означает возникновение начала как конкретного, как единства во многообразии. Начало — это ядро конкретного, выражающего само единство во многообразии.

Иначе говоря, среди абстрактного находится такое абстрактное, которое в состоянии обеспе-

чить начало конкретизации, которое способно задать единство начавшемуся многообразию. Воспроизводство знаменует собой рост многообразия, расцвет системы как генетически обусловленного органичного единства во многообразии. Нам не представляется удачным название метода «восхождения от абстрактного к конкретному». Формулировка идёт от Гегеля и, по всей видимости, поддержана Марксом, хотя сам Маркс, различая теоретическое исследование и теоретическое изложение, как представляется, понимал этот метод в существенно расширенном значении. В частности, об этом свидетельствует, на наш взгляд, методологически знаменитое «Введение» к критике политической экономии.

К. Маркс различает два периода становления политической экономии как науки. В первом периоде чувственно конкретное многообразие, с которого начинается исследование, «испаряется» до бедных содержанием, но существенно обобщающих абстракций. Например, исследователи начинают с чувственно конкретного «населения» и заканчивают абстракцией «меновая стоимость», «рынка», «труда» и т. п.

Второй период развития науки политэкономии начинается тогда, когда уже накоплено достаточное количество сущностно значимых абстракций. В этом случае из всего многообразия наиболее абстрактнейших понятий науки выбирается самое абстрактное и поэтому самое обобщающее, содержащее в себе, как в зародыше, весь взрослый организм и программу его развития. Из этого зародыша, из самого простейшего отношения, как из начала, выводится вся логика развития как воспроизводство исходного начала. Вот тут действительно осуществляется восхождение от абстрактного к конкретному.

Но правомерно ли отвлекаться от первого восхождения, движения мысли от чувственно-конкретного к абстрактному? Навряд ли из философского метода можно это исключить. Не будем верить на слово той расхожей формулировке метода, которую предпочитали классики. Тем более, что можно найти этому вполне убедительные оправдания. Если полагать, что идеальное и абстрактное бытие фундировано самой жизнью человека и общества, то уместно, чтобы реальный социально-исторический (практический) процесс всегда «вита́л в представлении» мыслящего субъекта.

В предшествующем анализе категории абстрактного и конкретного выступают преимущественно в гносеологическом статусе, в связи

с развитием научного знания и познания. Онтологический статус категорий абстрактного и конкретного бытия особенно убедительно обнаруживается в «Капитале» при изложении логически резюмированной истории развития машинного производства. Это то абстрактное и конкретное, которое действительно практически «витает в представлении» реальных агентов реального социально-исторического практического процесса и формирует идеальное содержание их сознания, объективно мыслительные процессы в их головах.

Чувственная данность, материальное бытие не всегда выступает как чувственно-конкретное, как выпущенная за пределы идеального бытия субъективность. Подчиняя материальную среду своего обитания, человек вносит в эту среду односторонность, абстрактность. Культура предстаёт как бесконечное множество функционально односторонних материальных предметов. Например, это касается какого-либо инструмента: в материальном теле швейной иглки всё подчинено односторонней, абстрактной функции прокалывания ткани, минимизированы, сглажены все препятствующие этому элементы.

Эту, бросающуюся в глаза культурно и субъектно обусловленную односторонность, абстрактность невозможно не увидеть (вообще чувственно созерцать). Абстрактное бытие присутствует тут не только в форме чувственно данной вещи, но и в форме деятельности человека, его действия с этой вещью. Не случайна категория абстрактного труда, как субстанции, в которой сброшена любая предметная определённая потребительной стоимости. Абстрагирование тут заложено в самом акте рыночного обмена, при котором осуществляется полное отвлечение от качества потребительной стоимости товара.

Чувственная данность не тождественна конкретности как единству многообразия. Она, скорее, схватывает вещь, предмет как исходный феномен, объект, к которому человек только подступает в своей анализирующей и синтезирующей деятельности, действующей субъективности. Чувственная данность — лишь предвестник конкретности и, кстати, абстрактности преднаходимого человеком бытия. Опыт, эмпирическая обработка чувственной данности вносят конкретность и абстрактность в саму чувственную ткань воспринимаемого и ощущаемого мира. Надо заметить, что категория чувственной данности может вносить известную путаницу в создаваемую из рассмотренных парных категорий философ-

скую систему координат за счёт того, что скрывает в себе отождествление с конкретным бытием. Но вернёмся к примерам.

Онтологический статус категориальной пары «абстрактное — конкретное»

Варианты чувственно-абстрактного материального окультуренного бытия в виде упомянутого инструмента (игла, пила, топор, нож, вилка, ложка и т. д., и т. п.) можно множить до бесконечности. На материале диалектики чувственно-абстрактного и конкретного, например у К. Маркса в «Капитале», логически резюмируется история развития машинного производства, когда дело начинается с цеховой организации труда, реализующей слабо расчленённый на односторонности (абстрактности) инструментально-деятельностный процесс. В нём один мастер создаёт все составляющие будущего продукта и его субъективность объединяет отдельные элементы, как целое. На смену цеху приходит исторически мануфактура, в которой чувственно-конкретный процесс разлагается на составляющие и возникает специализация работника и его инструмента на одной абстрактной чувственно данной функции. Процесс изготовления продукта в мануфактуре разложен на односторонности инструмента и операций (действий) при помощи этого инструмента. Мануфактурное изготовление английской булавки, например, предполагает более сотни инструментов и операций с ними.

Абстрактное бытие пронизывает как инструмент, так и операции, как действия субъекта, так и самого действующего субъекта — работника. Он становится объективно абстрактным приложением к инструменту и действию с ним. Но перспективная положительность материального абстрагирования в мануфактуре заключается в том, что создаются предпосылки обратного движения: от чувственно-абстрактного к чувственно-конкретному, к созданию из абстрактного инструмента машины-орудия, в которой соединены в конкретное бытие бывшие абстрактными в мануфактуре инструменты.

В свою очередь, машина-орудие тоже выступает в качестве односторонности (абстрактности), которая требует дополнить себя до конкретного бытия машиной-двигателем. В результате машинного производства сам человек уже на новый лад становится абстрактным придатком к машине и сам пролетариат как таковой являет собой живую абстракцию.

В тенденции пролетариат есть категория полной лишённости средств производства, он есть живая абстракция, которой в результате экспроприации экспроприаторов (отрицания отрицания) предстоит вернуть себе конкретность через синтез рабочей силы с достижениями капиталистической эры, с интегрированным машинным производством, синтез работника и собственника в одном лице. В целом можно утверждать, что диалектика абстрактного и конкретного пронизывает собой всю сферу материальной и духовной культуры человечества и категории абстрактно-

го и конкретного имеют строго онтологический статус, коррелированный с их гносеологическим статусом.

И дело тут не исчерпывается только онтогносеологическим ракурсом рассмотрения. Значительный интерес представляет аксиологический аспект проведённых нами категориальных изысканий. При этом мы должны вспомнить об энергичном компоненте абстрактной и конкретной предметности бытия. Убеждён, что на этом пути нас поджидают весьма интересные философские открытия.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. Соотношение философского, методологического и конкретно-научного подходов к проблеме индивида. М. : Мысль, 1977. 224 с.
2. Гартман Н. Познание в свете онтологии // Западная философия: итоги тысячелетия. Бишкек ; Екатеринбург : Деловая кн. : Одиссей, 1997. С. 463–540.
3. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Психология социального бытия. М. : Ин-т практ. психологии : МОДЕК, 1996. С. 49–260.
4. Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 65–367.
5. Беркли Дж. Сочинения. М. : Мысль, 1978. 556 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М. : Мысль, 1959. Т. 4. 438 с.
7. Гельмгольц Г. О восприятиях вообще // Хрестоматия по ощущению и восприятию / под ред. Ю. Б. Гипенрейтер, М. Б. Михалевской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 400 с.
8. Кант И. Сочинения. М. : ГСЭИ, 1940. Т. 2. 527 с.
9. Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2001. 608 с.
10. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М. : АСТ, 2003. 380 с.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Прогресс. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. 622 с. ; Т. 29. Философские тетради. 944 с.
12. Лосский Н. О. Основные вопросы гносеологии. Петроград : Наука и Школа, 1919. 247 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. 650 с.
14. Полани М. Личностное знание. М., 1985. 344 с.
15. Поппер К. Логика и рост научного знания / пер. с англ. Л. В. Блиникова [и др.] ; общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
17. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 410 с.
18. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1996. 400 с.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya KA. Dialectics of human life. Correlation of philosophical, methodological and concrete-scientific approaches to the problem of the individual. Moscow; 1977. 224 p. (In Russ.).
2. Hartman N. Cognition in the light of ontology. In: Western philosophy: the results of the millennium. Bishkek; Ekaterinburg; 1997. Pp. 463–540. (In Russ.).
3. Shpet GG. The inner form of the word. In: Psychology of Social Being. Moscow; 1996. Pp. 49–260. (In Russ.).
4. Aristotle. Metaphysics. In: Works in 4 vols. Moscow; 1975. Vol. 1. Pp. 65–367. (In Russ.).
5. Berkeley J. Works. Moscow; 1978. 556 p. (In Russ.).
6. Hegel GVF. Works. Moscow; 1959. Vol. 4. 438 p. (In Russ.).
7. Helmholtz G. On perceptions in general. In: Chrestomathy on sensation and perception, ed. by YuB Gippenreiter, MB Mikhalevskaya. Moscow; 1975. 400 p. (In Russ.).
8. Kant I. Essays. Moscow; 1940. Vol. 2. 527 p. (In Russ.).

9. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow; 2001. 608 p. (In Russ.).
10. Lakatos I. Methodology of research programs. Moscow; 2003. 380 p. (In Russ.).
11. Lenin VI. Complete Works. Moscow. Vol. 18. Materialism and empiriocriticism. 622 p.; Vol. 29. Philosophical Notebooks. 944 p. (In Russ.).
12. Lossky NO. Basic questions of gnoseology. Petrograd; 1919. 247 p. (In Russ.).
13. Marx K., Engels F. Works. Moscow; 1955. Vol. 3. 650 p. (In Russ.).
14. Polanyi M. Personal knowledge. Moscow; 1985. 344 p. (In Russ.).
15. Popper K. Logic and the growth of scientific knowledge; translated from English by LV Blinnikov [et al.]; ed. by VN Sadovsky, N Sadovsky. Moscow; 1983. 605 p. (In Russ.).
16. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos. Moscow; 1986. 431 p. (In Russ.).
17. Rikkert G. Sciences about nature and sciences about culture. Moscow; 1998. 410 p. (In Russ.).
18. Stepin VC, Gorokhov VG, Rozov MA. Philosophy of science and technology. Moscow; 1996. 400 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Б. Невелев — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока.

Information about the author

A. B. Nevelev — Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Eurasia and the East.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 12.04.2024; approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.